

О друзьях с улыбкой

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

«Гитлер словно гонялся за мной, — горько пошутил как-то Сало Флор. — Я жил в Чехословакии — он ввел войска туда; перебрался в Голландию — снова немецкое вторжение; уехал в Англию — стали бомбить Лондон...» Я перебил его: «Угораздило же Вас, Сало, искать пристанище в Советском Союзе...»

Куда только не забрасывала судьба Флоров! Мы познакомились в годы войны в Ташкенте, где играли в чемпионате города и разделили первое—второе места, что для меня, тогда еще кандидата в мастера, было весьма лестно. Там же, в Ташкенте, и подружились на всю жизнь. Флор был чешским подданным, женатым на очаровательной москвичке Раечке, сестре популярной в те времена эстрадной певицы Майи Кристалинской. А советское гражданство к Саломону Михайловичу Флору пришло в 1942 году в Грузии, куда он перебрался из Узбекистана и где оставался до конца войны.

Как иностранец, к тому же весьма именитый, он жил в лучшем отеле Тбилиси «Интурист» и пользовался, естественно, всеми привилегиями зарубежного гостя. И вот однажды в погожий летний день Флора приглашают в Президиум Верховного Совета Грузии и сообщают, что его просьба о приеме в советское гражданство удовле-

на и он может получить «серпастый», «молоткастый» паспорт. Давнее стремление осуществилось, и радостный Флор стал принимать искренние поздравления обретенных соотечественников. Тепло поздравил его и директор отеля, устроив пышный банкет в честь новоявленного советского гражданина. Как обычно в грузинском застолье, было сказано много красивых слов и выпито много вина, а уже за полночь, прощаясь, гостеприимный хозяин напомнил обласканному постояльцу: «Дорогой Сало! Мы были рады оказать Вам внимание в нашей гостинице, но теперь у Вас уже советский паспорт — „Интурист“ Вам придется оставить».

Общительный Сало Флор от природы не был наделен мужской статью. Небольшого роста, полноватый, с невыразительными, хотя и излучающими доброту и приветливость чертами лица, он не пользовался, подобно своему другу Андрэ Лилиенталю, успехом у женщин. Может быть, это дало повод его жене грубовато, но остроумно съязвить: «Охотно бы поменяла Сало на яйца». И добродушный Флор не обиделся, хотя в ответ на колкости умел давать сдачи — тонкий интеллект и чувство юмора были доминирующими в нем.

Как-то мастер Аронин по рассеянности не поздоровался с маститым гроссмейстером, Флор мягко пожурил молодого человека: «Давайте, Лева, договоримся: когда Вы станете старше меня, обещаю здороваться первым...»

На прогулке в Кисловодске к нам подошел пожилой прохожий.

— Добрый день, гроссмейстер, — обратился он к Флору. — Вы меня не узнаете? Как же так? Помните, в Москве во время международного турнира тридцать шестого года Вы давали сеанс одновременной игры в шахматном клубе и объявили мне шах конем на f7?

— Извините, коллега, — отводя упрек, оправдывался Флор, — но тогда Вы были без шляпы.

На одном из многочисленных выступлений его спросили:

— Гроссмейстер! Вы сыграли тысячи партий, какая из них была самой трудной?

— Несомненно, консультационная, которую мы сыграли вдвоем с Алехиным против англичан Томаса и Серджен-та в новогоднюю ночь с тридцать третьего на тридцать четвертый год в Гастингсе, — с улыбкой ответил Флор, — особыми были условия игры. На каждой клетке доски стояли рюмки с крепкими напитками, и, делая ход, игрок должен был опустошать рюмку, находившуюся на поле, куда ставил фигуру. Хорошо еще, что играли двое на двое — имели передышки. Но когда пришла моя очередь залпом выпить бокал виски с поля аб, поперхнувшись, готов был сразу сдаться. Увы, «недобравшие» партнеры запротестовали: «Нечестно! Продолжайте!» Кто выиграл, не помню. Кажется, англичане — к виски они привычнее...

С улыбкой вспоминал Сало о конфузе, испытанном им как-то в высокопоставленном кремлевском обществе. Во время традиционного приема по случаю годовщины Октября Флора представили Светлане Аллилуевой.

Польщенный гроссмейстер пригласил молодую даму за столик и стал галантно за ней ухаживать. Внезапно он осекся:

— Извините, Светлана, я все время называю Вас по имени и чувствую себя неловко. Как Ваше отчество?

— Иосифовна, — на полном серьезе подсказала дочь Сталина.

Сало Флор дружил с Михаилом Светловым и как-то предложил познакомить меня с замечательным поэтом: «Мар-

куша! Миша тяжело болен, и я хочу его навестить. Поедем вместе. Позвоню, узнаю, не нарушим ли мы его планы».

«Приезжайте, только захватите пиво. Рак у меня уже есть...» — грустно пошутил поэт..

Сало рассказывал, как однажды спросил Светлова, долго ли он сочинял свою бессмертную «Гренаду». Поэт задумался и ответил: «Сорок минут и всю жизнь...»

Будучи в 30-е годы одним из сильнейших гроссмейстеров мира, главным претендентом на матч с Алехиным за мировую шахматную корону, Сало Флор тем не менее рано расстался с честолюбивыми планами и уже в тридцать шесть лет практически сошел со сцены крупных международных форумов. Причин оказалось много: переживания, связанные с оккупацией родной Чехословакии, кочевая жизнь, финансовые проблемы. Но главное — свойства характера, не приспособленного к законам жесткой конкуренции. «Борьба за шахматный трон требует фантастического трудолюбия, а у меня его не было. Я не проливал пота над шахматами», — признавался Флор.

Его вторым призванием стала журналистика. Великолепный профессионал, глубоко знающий шахматы и шахматистов, вживавшийся в атмосферу крупнейших событий, к тому же наделенный наблюдательностью, доброжелательностью и юмором, Сало Флор был словно рожден раскрывать поклонникам мудрого искусства этот многогранный, увлекательный, противоречивый мир.

Его как-то спросили, трудно ли быть журналистом.

— Во всяком случае, легче, чем гроссмейстером, — с улыбкой ответил Флор. — Наблюдать со стороны и критиковать других проще, чем играть самому.

— А какой жанр Вам больше всего по душе?

— Любой, кроме скучного.

И этому девизу Сало следовал неотступно. Свыше двухсот пятидесяти статей, содержательных и остроумных, написал он только для самого популярного в те времена в СССР журнала «Огонек». Ему прощались даже некоторая «желтизна», обычно критиковавшаяся нашей прессой. Можно сказать, что целое поколение смотрело на шахматы глазами Флора.

Мне довелось вместе с Сало работать над книгой о XX чемпионате СССР. Это было легко и приятно. Правда, усердствовать он не любил: «Маркуша! Сделаем перерывчик, попьем кофеечка», — но каждую строчку выверял тщательно.

Его русский звучал свежо и образно. Он не признавал «выкрутасов», а писал, вернее, печатал статьи (с машинками — одна с латинским шрифтом, другая с русским — никогда не расставался) очень своеобразно: в каждом слове букв было больше, чем нужно, поскольку из-за своего мягкого чешского выговора он почти после каждой согласной ставил мягкий знак.

Сало был милым и скромным — о себе если и говорил, то только в шутовском тоне. Когда на склоне лет ему предложили написать мемуары, возразил: «Для этого я еще молод».

И впрямь, душой Сало никогда не старел...

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Делясь воспоминаниями о замечательных коллегах-шахматистах, с которыми свела судьба, рассказывая об их высочайшем мастерстве, уникальности, не могу пройти мимо самого удивительного по душевным свойствам друга, встретив которого полюбил на всю жизнь.